
Закон
любви

Li Voss

Закон любви

«Автор»
2026

Voss L.

Закон любви / L. Voss — «Автор», 2026

Мира — обычная девушка, которая с детства чувствовала: мир устроен сложнее, чем говорят взрослые. Однажды в самолёте она услышала песню, которую не включала. Потом увидела звезду, которая мигнула в ответ на её шёпот. А потом встретила человека, в глазах которого было что-то до боли знакомое.Дан — не человек. Он из цивилизации, которая научилась быть невидимой. Тысячи лет он соблюдал закон: не вмешиваться. Пока не увидел её душу — светлую, ищущую, не сломленную.Их любовь признали абсолютной. Но нестабильной. И теперь им предстоит доказать, что это не вспышка, а выбор. Каждый день. Каждую минуту.«Закон любви» — это история о том, что любовь не сваливается с неба. Её создают. Осознают. Принимают. Поддерживают. И тогда она становится законом.

© Voss L., 2026
© Автор, 2026

Li Voss
Закон любви

ЗАКОН ЛЮБВИ
Роман

ЭПИГРАФ
«Говорят, у каждой души два крыла. Одно — из Ветра, другое — из Огня. Пока они не сложатся в одно целое, душа не взлетит. А когда взлетит — увидит, что в небе не одна».

ПРОЛОГ
Самолёт был почти пустой. Она спала, свернувшись на трёх креслах. В ушах играла музыка, за окном тянулась ночь, и где-то далеко внизу горели редкие огни.

А потом в наушниках зазвучала песня, которую она не выбирала.

«Солнышко моё, вставай».

Она открыла глаза. Резко, как будто её окликнули по имени. Рядом стояла стюардесса — мягкая улыбка, чуть виноватая:

— Пора просыпаться. Скоро будем садиться.

Мира кивнула. Подождала, пока стюардесса отойдёт. Посмотрела на телефон.

На экране светилось название песни. Весёлое, дурацкое, совсем не из её плейлиста. Она не ставила её. Она вообще не помнила, чтобы слышала её раньше.

Внутри что-то дрогнуло. Не страх. Не удивление. Что-то третье — тихое, тёплое, как будто кто-то невидимый коснулся её плеча и сразу убрал руку.

Она смотрела в окно — на облака, на свет, который пробивался сквозь них, — и думала: это был знак. Первый осознанный знак. От кого-то. Или от чего-то.

Самолёт начал снижаться. Внизу проступали очертания чужого города — огни, дороги, море.

Она прижала ладонь к холодному стеклу.

— Я тебя слышу, — прошептала она.

И не заметила, как за её спиной — в пустом кресле, где никого не было, — воздух на секунду стал теплее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Он
Он не должен был этого делать.

Это была первая мысль — ещё до того, как он увидел её. Просто мысль, которую он повторял себе тысячи лет: не вмешиваться.

Он смотрел на Землю так, как смотрят на чужой дом через окно. Не заходя. Не касаясь. Только взглядом — на свет, на движение, на чужие жизни, которые текли без него.

Его цивилизация когда-то тоже была людьми. Потом они ушли вперёд — так далеко, что тело стало проекцией, а расстояние перестало быть преградой. Они могли быть где угодно, не оставляя следов. Могли видеть душу так же ясно, как люди видят лицо.

И у них был закон. Один на всех.

Не вмешиваться. Не касаться. Не менять ход чужой жизни — даже ради добра.

Он знал этот закон лучше многих. Он сам когда-то помогал его формулировать. И тысячи лет соблюдал — так тщательно, что почти забыл, что значит хотеть чего-то вопреки.

А потом увидел её.

Не лицо. Не имя. Душу.

Она была как свет, который пробивается сквозь тучи, — не яркий, не слепящий, но упрямый. Она искала. Она верила. Она была готова, сама того не зная.

Он видел, как она сидит на полу в съёмной комнате — вокруг разбросаны заметки, она перечитывает одну и ту же фразу, зачёркивает, пишет снова. Видел, как она стоит на балконе, смотрит на небо и что-то шепчет — он не слышал слов, но чувствовал вопрос. Видел, как она засыпает с телефоном в руке, так и не дождавшись ответа.

Он не должен был подходить ближе.

Но однажды ночью — она спала, свернувшись на кровати, — он сделал то, чего не делал никогда. Он подошёл. Не физически — этого он не мог. Мыслью. Намерением. Самой сутью своего существа.

Он коснулся её сна.

Не чтобы что-то изменить. Просто чтобы ей стало легче. Хотя бы во сне.

Утром она записала в заметки: «Приснилось, что кто-то держал за руку. Было тепло. И очень сложно было просыпаться».

Он прочитал это — и впервые за десятилетие почувствовал что-то, чему не знал названия.

А потом она уехала.

Самолёт. Ночной рейс. Почти пустой салон. Она уснула на трёх креслах, и её лицо во сне было спокойным — таким, каким он его запомнил.

Он знал: это риск. Знал: если кто-то увидит — будет суд. Но он уже не мог остановиться.

Он выбрал песню. Энергичную, светлую, ту самую — «Солнышко моё, вставай». И послал её через эфир, через воздух, через пространство — прямо в её наушники, в тот самый момент, когда стюардесса подошла к ней.

Она открыла глаза.

Он увидел, как в её взгляде что-то дрогнуло — не страх, не удивление. Узнавание. Будто она поняла: это не случайность.

Он улыбнулся там, где никто не мог его видеть.

— Я не должен был, — сказал он вслух — в пустоту.

Но он знал: теперь уже поздно.

И где-то далеко, в зале без стен и потолка, старейшины уже повернули головы.

Они почувствовали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Девочка

Аэропорт встретил её чужим светом. Он падал иначе, чем дома, — резче, белее, — и от этого всё вокруг казалось ненастоящим. Запахи были другие. Люди говорили на языке, который она знала, но который звучал так, будто его пропустили через воду.

Она стояла с рюкзаком в руках и чувствовала, как внутри — между страхом и волнением — прорастает что-то новое.

Комната оказалась на окраине, в доме с облупившейся краской. Хозяйка — пожилая женщина — открыла дверь и молча кивнула. Она почти не говорила. Но улыбнулась так, что Мира вдруг поняла: её здесь не осудят.

Мира постелила вещи. Сказала «спасибо» на чужом языке. Хозяйка кивнула ещё раз. И закрыла дверь.

Ночью она лежала на кровати и слушала.

За стеной кто-то разговаривал — быстро, тихо, на языке, который она понимала через слово. Телефон лежал рядом, экран тёмный. Написать было некому.

Она смотрела в потолок.

И вспомнила — вдруг, некстати, — как ей было семь. День рождения двоюродной сестры. Взрослые за столом говорили о любви: как важно любить детей, как важно любить родителей. Все улыбались. Мира смотрела на маму — мама кивала и улыбалась. А глаза у неё были уставшие.

Тогда она не знала, как это назвать. Но запомнила: то, о чём говорят за столом, и то, что живёт в глазах, — разные вещи.

Она выросла с этим. И теперь лежала в чужой комнате, с чужим потолком, и телефон молчал.

Она не плакала. Уже знала: слёзы не помогают.

Первые дни она выходила только в ближайший магазин. Потом заказывала доставку и сидела в комнате.

А на четвёртый день — собралась.

Не потому что стало легче. Просто поняла: если не выйдет сейчас, не выйдет никогда. Надела куртку, взяла телефон, вышла.

Город был другой. Не хуже — просто другой. Улицы вились иначе, дома стояли плотнее, и над всем висел запах моря — солёный, ровный, как дыхание. Она шла без цели. Просто шла.

И фотографировала.

Сначала — просто так. Дверь с облупившейся краской. Кот на подоконнике. Тень от фонаря, которая легла на стену под странным углом. Потом — зацепило. Она заметила, что ищет что-то. Не красивое — странное. То, что не вписывается.

Она вернулась домой уставшая и довольная. Села на кровать, открыла галерею, начала листать.

И остановилась.

На одной фотографии — та самая дверь с облупившейся краской — в углу, в отражении стекла, было что-то. Не человек. Не тень. Просто светлое пятно, которого не должно было быть.

На другой — кот на подоконнике. За его спиной, в тёмном проёме комнаты, — смутный силуэт. Тоже неясный. Тоже не тот, что должен быть.

Она пролистала дальше. Везде — что-то. Маленькое. Едва заметное. Как будто кто-то стоял рядом, пока она снимала, — и не хотел попадать в кадр, но не мог уйти совсем.

Она отложила телефон. Посидела. Потом взяла снова. Пролистала ещё раз. Медленно. Внимательно.

Одни и те же странности. Одни и те же пятна. Одно и то же чувство: это не случайность.

Она не испугалась. Странно — не испугалась. Наоборот. Внутри стало теплее.

Она открыла заметки. Создала новую папку. Назвала её просто: «Странности».

И начала записывать.

Первую заметку она написала в ту же ночь. Вторую — на следующий день. Третью — через неделю, когда увидела на стене дома запись, которой там раньше не было.

Сны она тоже записывала. Они приходили по ночам — странные, тихие. В них был ветер, свет и чувство, что кто-то стоит рядом.

Иногда она натыкалась на нужную заметку в нужный момент. Иногда — на фотографию, которая вдруг отвечала на вопрос, заданный днём. Она не понимала, как это работает. Но перечитывала — и чувствовала не ответ, а направление. Будто кто-то держал её за руку и говорил: «Ты делаешь это не просто так».

Ей казалось, что это магия. Но она видела в этом систему. Глубокий смысл.

Так прошёл год.

Она привыкла к городу. К чужой речи, к запаху моря, к комнате с облупившейся краской. Научилась ходить по улицам, не чувствуя себя чужой.

Но заметки не бросила.

А потом был вечер на берегу моря.

Она пришла туда одна — как часто приходила. Села на камни, надела наушники, стала смотреть, как темнеет небо. Вода сливалась с горизонтом, и было непонятно, где кончается одно и начинается другое.

Играла музыка. Медленная, тихая. И она вдруг заметила: музыка отвечает на вопросы, которые она даже не задавала вслух. Ей было грустно — и музыка была грустной. Но в этой грусти было что-то тёплое, как будто кто-то сидел рядом.

Она открыла заметки. Перечитала всё, что накопилось за год.

И поняла: это складывается.

Всё, что она записывала, всё, к чему её тянуло, — сложилось в одну картину. Странности на фотографиях. Записи на стенах. Сны. Совпадения, которые были слишком точными. В основе всего этого лежало что-то одно. Не магия. Не случайность. Способ — быть в контакте. Слышать и понимать. Разговаривать так, чтобы другой человек рядом с тобой не сжимался, а раскрывался. И делать это не из страха, не из выгоды — а из чего-то большего. Из тихого, ровного чувства, которое она не могла назвать, но которое знала.

И когда она это поняла — внутри стало спокойно. Не радостно, не восторженно. Просто умиротворённо. Как будто всё встало на свои места.

Она не знала слов. Но чувствовала: в ней есть две силы. Одна — тихая, как ветер, что шепчет мысли. Другая — горячая, как огонь, что толкает действовать. И они почему-то не всегда совпадают. И от этого — больно.

Она ещё не знала, что это за система. Но впервые за долгие годы она *осознала* что-то — и *приняла*. А когда приняла, внутри стало тише. Как будто кто-то разжал кулак.

И тогда она для себя решила: она будет писать об этом. Изучать глубже. Не просто в заметках — по-настоящему.

Она смотрела на небо и прошептала:

— Я чувствую, что всё это можно собрать в одно целое. И я хочу это подробно расписать. Понять до конца. Если я на правильном пути — дай мне знак.

И ждала.

Секунду. Две. Тишина.

Она уже хотела усмехнуться своей наивности — но в этот момент прямо над морем, там, где вода сливалась с небом, одна звезда мигнула. Ярче других. И погасла.

Не упала. Не исчезла. Просто на мгновение стала светлее всех — а потом вернулась в общий ряд.

Она замерла. Сердце стукнуло раз. Потом ещё раз.

Совпадение? Игра света? Ей показалось?

Но внутри, глубоко, там, где она привыкла быть одна, что-то дрогнуло.

И она прошептала уже не в небо, а в себя:

— Я знаю, что ты рядом. И я готова идти дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Он

Он попробовал уйти.

Это было первое, что он сделал, — после того как песня отзвучала, после того как самолёт сел, после того как он увидел её глаза в аэропорту. Он вернулся к себе. Отстранился. Сказал себе: хватит.

Закон был прост. Не вмешиваться. Не касаться. Не менять ход чужой жизни — даже ради добра.

Не помогло.

Он продержался три дня. Потом снова посмотрел.

Она снимала комнату в доме с облупившейся краской. Выходила только в магазин. Потом перестала выходить вовсе. Он видел, как она лежит на кровати и смотрит в потолок, — и знал, о чём она думает. Слишком хорошо знал.

А на четвёртый день она вышла.

Он шёл за ней по улицам — далеко, на расстоянии, которого она не могла почувствовать. Смотрел, как она останавливается у дверей, у окон, у стен. Как поднимает телефон. Как щёлкает.

Он не думал, что она увидит.

А она увидела.

Он заметил это по тому, как она замерла над одной фотографией. Как увеличила. Как пролистала назад — и снова вперёд. Как отложила телефон, посидела, взяла снова.

Он подошёл ближе, чем следовало. Заглянул через её плечо. И увидел то, что видела она: светлое пятно в отражении стекла. Смутный силуэт в тёмном проёме. Тень под невозможным углом.

Он.

Он не хотел попадать в кадр. Но и уйти совсем не смог.

Она не испугалась.

Он ждал, что она испугается. Что отложит телефон, задёрнет штору, перестанет выходить на улицу. Люди так делают — он видел тысячи раз.

Она не испугалась. Она создала папку и назвала её «Странности».

И начала записывать.

Он смотрел, как она пишет первую заметку — в ту же ночь, при свете телефона. Вторую — на следующий день. Третью — через неделю.

Сны она тоже записывала. Те самые, в которых был ветер, свет и кто-то рядом.

Он не должен был этого делать. Но он стал помогать. Тихо. Аккуратно. Только то, что можно было списать на случайность.

Он знал: это нарушение. Каждый раз — нарушение.

Он делал это всё равно.

Так прошёл год.

Он видел, как она привыкает к городу. Как учится ходить по улицам, не чувствуя себя чужой. Как иногда смеётся. Как сидит на камнях у моря и слушает музыку.

Он видел, как её папка «Странности» растёт. Как заметки складываются в узор, которого она пока не понимает, но уже чувствует.

А потом была ночь, когда он увидел её боль.

Она сидела на кровати — в темноте, без света. Телефон лежал рядом, экран погас. Она не плакала в голос. Она просто сидела, обхватив колени руками, и по её лицу текли слёзы. Тихо. Беззвучно. Она даже не вытирала их.

Он смотрел — и не мог пошевелиться.

За тысячи лет он видел миллионы слёз. Чужих. Далёких. Он наблюдал их так, как смотрят на дождь за окном: есть — и есть, пройдёт. Но эти слёзы были другими. Они были её.

И в этот момент он понял: он не может уйти. Не потому что не хочет. А потому что физически не может — оставить её здесь одну, с этой болью, с этим одиночеством.

Он подошёл ближе. Не физически — этого он не мог. Но мыслью. Намерением. Он коснулся её сна — в ту ночь она спала крепче, чем обычно. И утром записала: «Приснилось, что кто-то был рядом. Просто сидел. Не уходил».

Он прочитал это. И понял: он остаётся. Не на день. Не на год. Навсегда.

И он видел тот вечер на берегу.

Он был там — близко, ближе, чем позволял себе обычно. Смотрел, как она открывает заметки. Как перечитывает всё, что накопилось за год. Как замирает.

Он не слышал её мыслей. Но видел лицо — и по лицу понял: она сложила это. Всё вместе. Странности, сны, совпадения — в одну картину.

А потом она подняла глаза к небу и что-то прошептала.

Он не расслышал слов. Но почувствовал вопрос.

И — не смог удержаться.

Одна звезда над морем мигнула. Ярче других. И погасла.

Она замерла. Сердце у неё стукнуло — он почувствовал это так, будто стукнуло у него самого.

А потом она прошептала что-то ещё — тихо, уже не в небо, а в себя. И в её голосе не было страха.

Он стоял на берегу — невидимый, далёкий — и смотрел, как она уходит.

И знал: он не уйдёт.

Он пробовал. Три дня. Не помогло.

Он мог бы вернуться к себе. Мог бы снова смотреть на Землю через окно. Мог бы соблюдать закон — как соблюдал тысячи лет.

Но она была не чужая.

Он видел её слёзы. И это было сильнее закона. Сильнее страха.

— Я остаюсь, — сказал он вслух, в пустоту.

И в этот момент — далеко, в зале без стен и потолка — свет дрогнул.

Старейшины уже не просто повернули головы. Они смотрели.

Ждали.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Прикосновение

Прошло около двух лет.

Мира жила у тёти — в чужой квартире, в чужом городе. Тётя была доброй: оставляла ей пространство, не задавала лишних вопросов, просто принимала её как часть дома.

Она писала. Из тех самых заметок — снов, фраз, ощущений — складывалось что-то большее. Получалась книга, хотя она не знала, можно ли это так назвать.

А он был рядом.

Она это знала. Не словами — глубже. По тому, как вовремя попадалась нужная заметка. Как фотография вдруг отвечала на вопрос, заданный днём. Как воздух в комнате становился теплее, когда ей было особенно плохо.

Она не произносила этого вслух ни разу. Как будто чувствовала: к этому лучше подходить с аккуратностью. Держать в тайне. Но при этом чётко понимала — что-то точно есть.

Было лето. У неё было что-то вроде отпуска — большие выходные, когда не было никаких обязанностей.

В тот день они остались вдвоём. Она сидела на диване, пила чай, что-то рассказывала — не ему, просто в воздух, — о книге, о том, что получается, а что нет. Воздух был тёплым, спокойным, как всегда, когда он рядом.

И вдруг — резкий звук. Ключ в замке.

Дверь открылась.

Тётя вернулась домой — неожиданно, на пару часов раньше. Ворвалась в квартиру стремительно, громко окликая с порога:

— Ты здесь? Я пришла пораньше!

Мира вздрогнула. Резко обернулась.

И в тот же миг — на долю секунды — её дыхание перехватило.

Потому что она почувствовала его.

Его мозг — такой мощный, такой контролируемый, — на одно мгновение потерял контроль. От неожиданности. От испуга. Он не ждал, что кто-то войдёт так резко. Он ослабил свою невидимость.

И в это крошечное мгновение — между ударом сердца и следующим — она ощутила его.

Не увидела. Не услышала. Но почувствовала.

Его объятие. Его вес. Его тепло. Оно окутало её целиком — как будто кто-то большой и сильный обнял её со спины, прижал к себе, укрыл собой. Всего на миг. На один вдох. Но она запомнила это навсегда.

Она замерла. Чашка в руках дрогнула.

Тётя прошла в комнату, улыбнулась, что-то сказала, пошла на кухню.

А он отстранился.

Резко. Так, будто обжёгся. Воздух вокруг неё стал пустым — мгновенно, без перехода. Тепло исчезло. Как будто выключили.

Мира замерла.

— Ты здесь? — прошептала она.

Никто не ответил.

Комната как будто опустела. Воздух стал обычным — прозрачным, пустым. Она не чувствовала его больше.

Она сидела неподвижно, прислушиваясь к себе. Пыталась поймать то ощущение — вес, тепло, объятие. Но оно ускользало, таяло, оставляя только память.

И в этом исчезновении было что-то неправильное. Не просто «он ушёл». А «он убежал». Резко. Как будто испугался. Как будто сделал что-то плохое.

Но ведь это было тепло. Свет. Она чувствовала это — каждой клеткой. Это не было плохо. Это было правильно.

Она не понимала. Если это было правильно — почему он исчез так резко?

Он ушёл сразу.

Не потому что хотел. А потому что знал: если правила нарушены вот так — напрямую, не мыслью, не намёком, а телом, плотью, прикосновением, которое нельзя было списать на случайность, — то это уже не «импульс». Это нарушение.

А за нарушение — не наказывают. За нарушение — деактивируют.

Или стирают память. Ему — всё, что было. Ей — всё, что она чувствовала. Освежают разум, как чинят сломанный механизм: ничего этого не было, никто никого не касался, живи дальше, как жила.

Он знал, как это делается. Видел однажды. После такого человек остаётся человеком — но пустым. Без тех самых снов, без ощущения тепла на границе сна и яви, без чувства, что кто-то рядом. Просто живёт. И не знает, что потерял.

А если проверка будет жестокой — а она будет, за такое всегда жестоко, — то вселенная может и вовсе разделить их. Навсегда. По разным временам. По разным жизням. Так, чтобы они больше никогда не пересеклись.

Он не мог этого допустить.

Не потому что боялся за себя. А потому что она была единственным, что имело смысл за тысячи лет пустоты. И если он сейчас замешкается — он потеряет её. Навсегда. Без возможности даже попрощаться.

Поэтому он не стал ждать. Он знал — почувствовала. И это было хуже всего: она почувствовала, а он уже уходил.

Он полетел к старейшинам сразу.

Не чтобы оправдаться. Чтобы успеть.

Он появился в зале мгновенно. Без стен, без потолка, только свет и тишина. Старейшины сидели вокруг, невидимые, но ощутимые. Их сознания переплетались в единую сеть, которая видела всё.

Он встал перед ними. Не склонил голову. Не опустил взгляд.

— Я нарушил закон, — сказал он. — Я имел контакт с человеком.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.